

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Кузнецова Василия Юрьевича на тему «Постнеклассическое единство мира», представленную к защите на соискание ученой степени доктора философских наук по научной специальности 5.7.1. Онтология и теория познания

В современных условиях традиционная для философии проблема единства мира не только не теряет своей актуальности, но приобретает особую остроту в теоретических дискуссиях в связи с умножением количества разнообразных философских течений и концепций, многие из которых провозглашают необходимость отказаться от принципа единства классической метафизики, заменив его принципом множественности.

Диссертация Кузнецова В.Ю. – очень смелая. В особенности по своей исследовательской цели. А цель ее по сути кантианская – определить мировую реальность через культурные условия возможности ее тематизации. И ключевым условием такой тематизации оказывается... фантастика. Мысль эта, разумеется, не везде проведена прямо, но будет преследовать читателя на протяжении всего текста – сложно не почувствовать основной мотив, определивший и посыл: «Реальность фантастична, фантастика реальна». Храбрости автора можно позавидовать. Ну кто сегодня возьмется за разработку столь дискредитированной темы – единства мира?

Чтобы как-то компенсировать это, автор, возможно, и выбирает необычный ракурс обсуждения – дистанцируется от традиционного представления проблемы, создает свой особый стиль «мягкой и гибкой мысли» (с. 4), который я бы назвал поэтической операционализацией тавтологий: *«Неустранимость сцепленности разнообразнейших вещей и сюжетов раскрывает универсальную связность любой предметности и вязкость всякой проблематики. Будучи везде рассеянной, она незаметна; проявляясь повсюду, она очевидна; лишенная устойчивой формы, она пребывает в бесконечном движении; не обладая собственным голосом, она беззвучна»* (с. 4). «Она» – это тотальность, трансцендентность, искомая

реальность единого. И в конечном счете эта очевидно дискредитированная тема оказывается бесприкрытым способом представления самых произвольных исследовательских проектов. Скажем, требуется известная фантазия(!), чтобы отдельные – представляющиеся сами по себе наиболее добротными и интересными – исследования в области «непрямой референции», «перформативности», «модернизации», «речевых актов» подверстать под заявленные тему и проблему. И все-таки единство мира не сделало единым исследование как в стилевом, так и в тематически-проблемном отношении.

И действительно, работа поражает эрудицией. На 297 страницах распределены ссылки на 711 (фактически и зачастую неоднократно) процитированных работ, причем львиная доля приходится на начало диссертации, где цитатная эквилибристика автора раскрывает его незаурядные способности. Однако к середине исследования пропорционально уменьшению интенсивности цитирования авторская позиция, а вместе с нею и увлекательность существенно усиливается, и к завершению труда читаем другого автора, квалифицированного специалиста в области современной философии языка, феноменологии, теории коммуникации, разбирающего частные проблемы и предлагающего их нетривиальные концептуализации. Нужно отдать должное и скрупулезности автора, то и дело сомневающегося в адекватности самой своей проблемопостановки, в возможностях ее внятного формулирования (с. 196–197), призванного как-то отразить две несоизмеримые мировые характеристики – неисчерпаемость и целостность.

Впрочем, трудности проблематизации единства мира преодолеваются развиваемым автором методом фиксации полярностей или полюсов (с. 198), неких экстремальных значений, анализ которых, собственно, и приводит нас в область культурно заданных условий возможностей фиксации мирового целого. И за примерами полярных фиксаций мирового единства не надо далеко ходить: Свет–Тьма, Хаос–Космос, Инь–Ян – подобные примеры можно множить бесконечно. Единые в своей полярности и культурно-инвариантные

оппозиции, по мысли автора, и указывают на искомую целостность: *«лампы разные, но свет один»*. Впрочем, автор не забывает и (в стиле В.С.Стёпина) указать на непосредственную корреляцию с научными подтверждениями древних мистицизмов: *«Все источники фотонов во Вселенной могут рассматриваться как один источник с определенным пространственным распределением»* (с. 199).

Конечно, поначалу многие аргументы автора выглядят несколько старомодными. Как, например, попытка обосновать единство мира «методом от противного»: *«любое гипотетическое отрицание единства мира неизбежно предполагает... неявную возможность говорить... обо всем мире в целом... – что будет представлять некоторую форму перформативного противоречия»* (с. 206). Трудно предположить, что автор не знаком с расселовским решением проблемы «несуществующих объектов». Впрочем, в защиту автора и аргумента «от противного» заметим, что проделать ту же аналитическую процедуру с «единым миром», которую проделал Б.Рассел с «лысым королем Франции», – задача далеко не тривиальная; и не будем требовать от разработчика метафизической проблемы столь абстрактного порядка отказа от дорогих его сердцу «несуществующих (= фантастических) объектов».

Возможно, такого рода аргументы появляются в силу своеобразия поставленной автором задачи – поисков единства мира без обращения к субстрату, к качественно однородным единицам, будь это кварки или иные апейроноподобные сущности, которые в разного рода картинах мира выступают носителями элементарных (субстанциальных) мировых свойств. Этот программный отказ от поиска элементарных единств и толкает автора на экзотические решения, в частности заставляет его обратиться к концепции «магмы» Касториадиса как некой *«безосновной основы мира»* (с. 122). Ниже, однако, словно недовольный собственными трудно операционализируемыми «словесными па», автор неожиданно отходит от метафорически-метафизического представления мирового единства, обращаясь к его научно-

физическому описанию, к проблемам «барионной асимметрии» частиц и античастиц, как известно, отвечающей за появление и сохранения вещества или материи. Наивный читатель тут же предположил бы, что автор, оставив метафизические спекуляции как не оправдавшие себя метафоры, наконец-то возвращается к научным описаниям реальности. Но физическое описание единства, как и многое в этом тексте, оказывается востребованным совсем для другой задачи – для обоснования и утверждения... фантастики и фантазии. На протяжении всей работы автор предлагает самые разные пути и способы выйти к предмету собственного интереса – фантазии и фантастике. В результате та же судьба «прислужниц фантастики» отводится и многим другими формам мышления и принципам аргументации: и «антропный принцип», и логические исчисления «возможных миров», «моделируемые в произведениях фантастики», и эффекты виртуальности, и теории и имплементации искусственного интеллекта, интернет и видеоигры, киберкультуры и даже психические состояния (опьянение, сон, транс) – все предстает формами локализации фантастики в реальности как ее поистине трансцендентальное условие возможности.

Итак, единство мира кроется в единстве артефактов, единстве культуры, каковое в свою очередь порождается воображением и фантазированием. Этот тезис, сам по себе не особенно проблематичный, применяется и к самому себе. А едина ли сама культура, обеспечивающая единство мира (глава 5)? – задается вопросом автор. Возможности позитивного ответа он – вполне в традиционном ключе – связывает с набором неких «*социокультурных констант*» (с. 202) (главным образом с ценностями), а невозможность эксплицировать их как инвариантные и культурно-универсальные компенсирует фиксацией (как и в случае с мировым единством) полярных значений, указывая прежде всего на оппозицию естественное/искусственное. И уж с такой культурной универсалией действительно не поспоришь. Вопрос только в том, не является ли эта универсалия лишь тавтологией, указанием на то простое обстоятельство, что всякая культура является культурой и не

является «натурой». И хотя автор, безусловно, подходит к вопросу более тонко и наполняет эту оппозицию богатым содержанием, апеллируя к естественности/искусственности языка, освещения, питания, материалов, религий, интеллекта и т. д., он тут же релятивирует ее, представляя ее в качестве *«гипотетических полюсов более или менее непрерывного континуума»* (с. 204).

Ощущая проблематичность и недостаточность своего решения поиска единства культуры через культурно-инвариантные оппозиции, автор разрабатывает и вспомогательную аргументацию. Таковым основанием культурного единства, полагает он, может служить и методология герменевтического круга; в любое явление культуры заложены сходные принципы единства: элемент (страница книги) содержит целое (всю книгу), и коммуникативные принципы общения, и алфавитный принцип, распространяемый им не только на тексты, но объемлющий *«спектры выразительных возможностей вообще, будь то колористические или цветоустановочные таблицы, фазы движения человека или же различные обертоны какого-либо тембра»* (с. 204). И все-таки надо признать, что не всякий читатель согласится с тем, что единство культуры фундировано настолько глубоко и обосновывается физиологической структурой восприятия.

Наконец автор нащупывает, как ему кажется, окончательный способ зафиксировать искомое единство, заключенное, по его мнению, в *«развертках взаимного отображения картин мира»* (с. 258). Они сводятся и осуществляются в рамках пяти фундаментальных «доминионов»: в философии, науке, религии, искусстве и мистике, каждый из которых описывает весь мир целиком, но непременно своим неповторимым образом. Этот список постулируется как исчерпывающий. Почему сюда не вошла мораль, равным образом способная своим специфическим образом характеризовать любые события, действия или переживания и в этом смысле являющаяся универсально-специфическим описанием? И разве право и

политика не налагают свои специфические коллективно-обязательные описания практически на любые фрагменты и реалии культуры и природы? Несправедливо, как мне кажется, забыты и массмедийные описания реальности, способные в своей универсальности и охвате поспорить с любым иным доминионом.

Поставив проблему поиска единства культуры, автор переходит к фактическим реализациям такого рода поисков (во второй главе), нисколько не стесняясь ставить себе самые грандиозные задачи: *«задача заключается в том, чтобы схватить мыслью философию в целом, в ее единстве»* (с. 91). Эту не самую простую задачу автор, вслед за Мамардашвили и Стёпиным, решает, прибегая к известной классификации классического, неклассического, постнеклассического стилей мышления и подробнейшим образом анализируя «статью трех авторов». Думается, можно было бы и обойтись без этой навязшей в зубах схематизации, даже безотносительно ее адекватности или неадекватности.

Анализируя конкретную структуру обособившихся доминионов, автор в рамках общего принципа культурного единства провозглашает тезис сближения некоторых из них. Впрочем, не исключено, что особое внимание к сближению доминионов, синтезу научных предметных описаний и художественной фикциональности в очередной раз подводит автора уже на более конкретном уровне к предмету его главного интереса – фантастике: *«оказалось, что обычными средствами можно говорить не только о существующем... но и о не существующем еще будущем, о несуществовавшем прошлом... – оформляется фантастика»* (с. 218).

Во второй главе автор продолжает свой проект, обращая взор на проблему «преодоления метафизики». Преодолевая ее в стиле Хайдеггера, автор вводит глобальные терминологические дистинкции и предлагает (с. 86): *«Философию оставить как общепринятое наименование для мыслительных традиций»*, при этом *«Онтологией обозначить фундаментальную философскую дисциплину (учение о бытии), составляющую основу любой*

философской концепции вместе с гносеологией и аксиологией... – три главные аспекта любого философского подхода», а «За метафизикой закрепить исторически конкретный набор западноевропейских стратегий... классического периода». Однако эта не лишенная изящества фундаментальная классификация, по-видимому, не срабатывает применительно к ее собственному статусу. Куда она относится, к чему принадлежит? На первый взгляд, именно философия представляет наиболее фундаментальный уровень, включающий и онтологию, и метафизику. Однако сама предложенная классификация, очевидно, является онтологической. И классифицируя все существующее на классы и роды, теперь уже именно эта онтология-классификация Кузнецова определяет место как философии, так и метафизики, претендуя на статус базового мета-учения или мета-философии.

Однако лишь четвертая глава несет в себе основную идейную нагрузку. Собственно, все предшествующие рассуждения о предназначении философии можно, конечно, с некоторым упрощением рассматривать как интродукцию в эту тему, как *«оператор, примененный к фантастике как феномену»* (с. 166). Фантастика, убеждает автор, вовсе не является антонимом действительности, не есть нечто бесплотно-трансцендентное, но – плоть от плоти, часть реальности, причем конституирующая ее часть, ее фундаментальное условие. В сопоставлении с фантастикой и реализм оказывается даже в каком-то смысле менее реальным, *«реализм в полном и точном смысле слова... вообще невозможен».* Реализм фантастичен, ведь образы реальности суть воображаемые *per definition*. Она в этом смысле гораздо менее необходима, чем фантастика. Последняя выступает в этом смысле неким аналогом математики: рожденная как фикция, она подчиняется жестким внутренним ограничениям и законосообразностям, обладает четким функционалом и, определяемая как онтологически-реальная, помимо десятков прочих функций решает две существеннейшие когнитивные и коммуникативные задачи: во-первых, она обозначает *«границы смысловых пределов и естественных интуиций»*, определяет, таким образом, рамку интерпретативных

возможностей; обеспечивает рефлексию и осознание ограниченности наших когнитивных ресурсов: нерелексивно применяемых оппозиций открытое/изобретенное, реальное/выдуманное, истинное/ложное; во-вторых, создает, скажем, конструируя фиктивные космические сообщества, возможность виртуальной апробации процессов понимания, что может служить продуктивным подходом к решению, лингво-аналитической проблемы (не)переводимости.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. В целом данная диссертация представляет собой законченное оригинальное исследование актуальной научной проблемы, выполненное на высоком теоретическом уровне и отличающееся большим количеством и разнообразием охваченного материала, что свидетельствует о широком кругозоре и должной научной квалификации автора. Диссертант реализовал выполнение заявленной в целях и задачах научно-исследовательской программы, с достаточной полнотой обосновав выносимые на защиту результаты исследования. Основные положения и выводы диссертации обладают новизной и достоверностью, а также необходимым теоретическим и практическим значением. Работа прошла вполне достаточную апробацию. Содержание диссертации адекватно отражено в автореферате.

Диссертация Кузнецова В.Ю. отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.1. Онтология и теория познания (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5, 3.1 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертация оформлена согласно приложениям № 8, 9 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Кузнецов Василий Юрьевич заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по научной специальности 5.7.1. Онтология и теория познания.

Официальный оппонент:

Доктор философских наук,
профессор кафедры социальной философии
и философии истории философского факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В.Ломоносова»

АНТОНОВСКИЙ
Александр Юрьевич

3 апреля 2023 г.

Контактные данные:

тел.: +7 (495) 939-19-40, e-mail: socphil@philos.msu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

09.00.01 – Онтология и теория познания

Адрес места работы:

119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский»), философский факультет, кафедра социальной философии и философии истории

Тел.: +7 (499) 939-19-40, e-mail: socphil@philos.msu.ru

Подпись А.Ю. Антоновского удостоверяю:

Ученый секретарь
философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
кандидат философских наук
Н.Ю. Ключева

4 апреля 2023 г.